

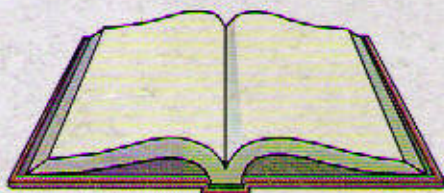
Министерство образования и науки
Российской Федерации

Федеральное агентство
по образованию

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уссурийский государственный
педагогический институт»

ПРОБЛЕМЫ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ЦИВИЛИЗАЦИИ

Материалы X международной
научно-методической
конференции

Уссурийск
2008

Проблемы славянской культуры и цивилизации

ди различных видов придаточных частей наибольший процент припадает на придаточные определительные (14,3 %) и придаточные изъяснительные (10,7 %). Из общего числа других видов придаточных частей в специальных текстах больший процент принадлежит придаточным причины (8,2 %) и условия (6,4 %), а меньший — на временные и придаточные места (0,7 %).

Сложные предложения с разными видами связи в анализируемых специальных текстах занимают в среднем 13,8 %. Части данного типа предложения связываются всеми видами связи — соединительной, подчинительной и бессоюзной. Например: *Фалёвы рух лаўстае ў асярэдзіне лад уплявам дэформацыі, таму прыпомнім закон Гука (Нюоске), які кажа, што, пакуль дэформацыя не даходзіць да рубяжа ўпругацьця яе велічыня пропорцыянальна да выклікаючага яе напружаньня: $p = E\alpha$, дзе p ёсьць напружаньне сілы, α — велічыня адноснай дэформацыі і E — коэфіцыэнт пропорцыянальнасьці, які называецца модулем упругасьці (бываюць модулі расьцягу, сьціску, кручэньня, зьгібу і г.д.). — Само сабою разумеюцца, што для лягчэйшага зразумэньня некаторых правапісальных умоўнасьцяў карысна быць знаёмым з граматычнай тэрміналёгіяй, а таксама з устапоўленай пры дапамозе граматычных дасьледаў формай зьмен слова ў жывоў мове (скланеньне і спражэньне), але зэта толькі адно з практычных далававаньняў граматыкі, якая нараўне з кожнай навукай можа быць выкарыстана для штадзённых практычных патрэб і т.д.*

Интересны данные по типам предложений по отношению к разным областям наук. Науки, более абстрактные по типу содержания, которые наиболее последовательно проводят метод логического доказательства, отличаются в синтаксических отношениях более высоким процентом средств отвлечённо-обобщённого значения и подчеркнутой логичности речи. Так, тексты по физике, геометрии, астрономии дают незначительный процент обобщённо-личных и безличных предложений, а также бессоюзных предложений с причинно-следственным и объяснительным значением. Однако наблюдается высокий процент и в соотношении к сложноподчинённым предложениям, и в совокупности придаточных причины и условия (при относительно меньшем проценте придаточных определительных). Например: *Іншае будзе з'явішчы, калі запалім мыльны пузыр, напоўнены грывучым газам. ~ Падбяром скорасьць кулькі так, каб яна ізохронічна маталась з матачом. ~ Трымайце сшытак так, каб адзін яго кант быў стварчавым. ~ Калі-ж V будзе выходзіць за гэтыя граніцы, то мы можам бачыць ваганні (як у выпадку друква) і т.д.*

Остальные тексты принадлежат к гуманитарным наукам, поэтому характеризуются большим средним количественным показателем сложных предложений, которые составляют - 70,2 % (сравните 54,1%), процент простых предложений в данных текстах составляет всего 29,8 %. Также значительно больше, чем в других науках, процент придаточных времени и бессоюзных с временными отношениями и со значением действия и его вывода. Однако специальные тексты гуманитарных наук выявляют меньший, чем по другим наукам, процент сложноподчинённых предложений - 42,5%.

Таким образом, анализ оригинальных белорусскоязычных специальных текстов 20-х годов XX

века показал, что в данных текстах наблюдается функционирование почти всех частей речи (знаменательных и служебных). Это функционирование, безусловно, имеет свои отличия по сравнению с другими стилями белорусского языка. Однако специальные тексты того времени уже в начале формирования научного стиля белорусского литературного языка проявляли почти все известные особенности в области морфологии. Логичность и точность определяют характерные для специальных текстов синтаксические особенности: описательная манера изложения, использование в основном полных повествовательных предложений, употребление пассивных конструкций, предпочтение союзной связи над бессоюзной, подчинения над соединением, значительная часть сложноподчинённых предложений с придаточными определительными, изъяснительными, причины, цели и условными, разнообразие средств осложнения структуры предложения (однородные члены предложения, причастные и деепричастные обороты, вводные слова и словосочетания и т.д.); строгая логическая последовательность и тесная связь отдельных предложений и частей текста.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В предлагаемых примерах нами сохраняются орфографические и пунктуационные нормы 20-х годов XX века.
2. Копылова Т.И. Математическая логика: Учебн. пособие. - Гродно: ГрГУ, 1997.

Т.А. Голованева

СТЕПЕНЬ РЕФЕРЕНТНОСТИ ФОЛЬКЛОРНОГО ТЕКСТА КАК СТИЛЕОБРАЗУЮЩИЙ ФАКТОР

Один из факторов, способствующих эволюции человеческого сознания, — вербальное самовыражение.

Предположительно, изначально, в эпоху своего становления речь обладала максимально высокой степенью референции. Такие выводы позволяют делать результаты исследования детской речи. "Высказывание есть часть ситуации, таким образом, однословное высказывание всегда референтно" [3, 22], речь идет о детском однословном высказывании, о процессе формирования речи ребенка.

Возникнув как максимально референтная, речь приобретает способность не только отражать видимую действительность, но и моделировать иную.

Исследование референции предполагает изучение процесса соотношения действительности и вербального текста. Особенно интересно в этой связи обратиться к анализу процесса текстообразования фольклорного произведения.

Фольклорный текст представляет собой лингвистический феномен. Это не утверждение, но гипотеза, опираясь на которую, попытаемся взглянуть на проблему стиля.

Фольклорное произведение появляется и существует как результат вербального моделирования. Это еще не собственно художественный текст, который предполагает авторскую рефлексию, но уже и не бытовой разговор. Во всяком слу-

чае, в фольклорном тексте, как и в литературном, мы имеем дело с особой, "вымышленной", реальностью. Многократное устное исполнение выработало такие речевые приемы, которые позволяют удерживать внимание слушателей на протяжении всего повествования, позволяют рассказчику воспроизводить этот текст многократно.

Любой фольклорный текст можно рассматривать в трех ипостасях: во-первых, прослеживая этнографические параллели, соответствующие данному тексту, во-вторых, отмечая весь комплекс составляющих элементов композиционной структуры и образной системы, в-третьих, изучая лингвистические закономерности вербального моделирования. Именно в стиле обнаруживаются объективные факты, свидетельствующие об установке говорящего: насколько говорящий был ориентирован на создание словесной картины, "объективно" отражающей реальный ход событий. В этой связи необходимо обратиться к сфере референции. Референтные свойства текста позволяют говорить о соотносительности высказывания с действительностью.

Референциальные механизмы, наряду с другими языковыми средствами, служат прагматическим задачам текста. Исследование порождающей грамматики фольклорного текста невозможно без учета целей говорящего. Прагматика мифологического рассказа влечет за собой бессознательный отбор языковых средств, способных максимально приблизить восприятие рассказа к проживанию "страшной" ситуации. В текст включаются референциальные механизмы, уже отшлифованные языковой практикой этноса. Вопрос состоит в том, насколько эти механизмы универсальны.

Образная память, чувственные переживания в момент восприятия текста качественно определяют сам механизм вербального моделирования. Максимум чувства в процессе воспроизведения-восприятия текста — та цель, которая подсознательно преследуется и слушателями, и говорящим. Цель эта реализуется при помощи всех доступных средств. Основной принцип — при экономии сил достичь максимального эффекта воздействия. Отсюда возникают стандартные сюжетные линии. Есть сюжетные узлы, которые автоматически вызывают сильнейшие переживания у слушателей, что в итоге преобразуется в максимум удовольствий. Традиция откладывает, сохраняет удачный опыт воздействия на сферу чувств. При этом особую роль играет эмпирическая достоверность.

Культура выработала механизм создания достоверного текста, то есть такого текста, который способен представить любую словесно изображаемую действительность как объективную. Чем эмпирически достовернее будет детали изображения, тем реалистичней будет подана самая фантастическая история (См. об эмпирическом в фольклоре в работе Н.Г. Игумнова)[2].

В мифологическом рассказе общая сюжетная линия может быть невероятной, но детали эмпирически достоверны.

Многие элементы текста и регулирующей его построения грамматики иконически отражают структуру сознания.

Порождающая грамматика текста предполагает выход на смыслы и цели возникновения текста.

Б.Н. Путилов отмечает, что в мифологическом рассказе "принцип достоверности выступает как организующее эстетическое начало" [1, 8]. Но в

чем объективно воплощается этот принцип достоверности? Есть ли объективные, вербально выраженные показатели, свидетельствующие о том, что рассказчик стремится создать максимально достоверную картину происшествия?

Система персонажей мифологического рассказа держится на двух противопоставленных полюсах. На одном полюсе находится герой, существование которого под сомнение не ставится — "реальный человек". Этот герой обозначается при помощи языковых средств, повышающих степень референциальной соотносительности (указание имени собственного, рода, возраста, места жительства). Ему противопоставит мифологический персонаж. В мифологическом рассказе референты экзистенциально неравноправны: мифологический персонаж реален настолько, насколько он взаимодействует с "обычным реальным человеком".

Если мы посмотрим, как вводится персонаж — человек и персонаж — мифологический герой, то мы увидим значительную разницу.

Можно говорить о том, что в некоторых случаях произнесение имени "нечистого" связано с табу. В мифологических рассказах часто встречаются косвенные свидетельства появления "нечистого", в результате чего создается эффект правдоподобия изображаемого:

"<...>Легли, кто уснул, кто че...

Вдруг слышим: лес трещит, да рядом! Будто деревья целы ломаются! Потом: топот, вроде идет кто" [1, 31, №32].

"<...>И на свадьбе не столько на молодых глядели, сколько на стакан. Глядят: стакан опрокинутый, а его и не видали" [1, 42, №50].

Создание достоверной картины достигается не только предельной конкретностью изображения героя-человека, но и "расплывчатым" описанием действий мифологического персонажа. Диаметрально противоположными средствами создается эффект объективного отражения "реальной" ситуации. Такое разнополюсное соединение и является спецификой жанра.

Чем более традиционен персонаж, тем больше вероятности, что он будет введен в текст с минимальной преамбулой. И наоборот, менее востребованное имя может требовать поэтапного введения его в ткань текста.

В мифологических рассказах имена собственные встречаются только у людей, в отличие от сказок, где имена могут иметь не только люди, но и животные, мифологические персонажи. Такое распределение референциальных указателей обусловлено жанровой природой фольклорных текстов. "Имя собственное (nomen proprium) свойственно только человеку и функционирует только в человеческом обществе" [6, 373].

Одним из сильных, эффективных свойств референции является использование имени собственного.

"В начале текста при первом употреблении имя собственное — индексальный знак, подобный неопределенному артиклю. <...>. В этой позиции имя собственное осуществляет катафорическое указание, отсылая получателя "вниз", в последующее пространство текста" [4, 47].

В фольклорном произведении упоминание имени традиционного персонажа отсылает не столько "вниз", сколько "вверх", ко всем тем историям, которые слушатели уже не раз слышали о том или ином мифологическом персонаже.

Нельзя утверждать, что апелляция к имени собственному обязательна для мифологического рассказа, но то, что упоминание имени повышает степень достоверности, не вызывает сомнений. Приведем несколько примеров:

"Дружинин рассказывал... Он ехал ночью. Там где-то омут был" [1, 50, № 84].

"Это мне Некрасов рассказывал. Поехали они по ягоду. Он ружье взял. И вот запоздались. Пришлось в лесу ночевать" [1, 31, № 32].

"Дед Тимофей Распутин рассказывал" [1, 83, № 117].

"Конюха нашего колхозного Сережку Бочкарева увел..." [1, 43, № 52].

"Нил Платоныч партизанил тут где-то на Амурской <...>" [1, 87, № 127].

"Вот про Таню Касьянову..." [1, 32, № 35].

Подобный "зачин", подобное введение референта придает эффект правдоподобия последующему повествованию.

Подлинное имя собственное соседствует с включением героя в иерархическую систему родственных отношений, к этому может присоединиться указание возраста референта:

"Иван Павлович Лончаков – того Афанасия-то брат, которому девяносто пять лет. Вот он рассказывал" [1, 12, № 2].

"Здесь жил <...> Мокшин. Он вообще-то нездешний. А за ним Афанасия Дементыча племянница, и мне она крестница" [1, 25, № 19].

Тексты мифологических рассказов наглядно демонстрируют: введение референта легко осуществляется при помощи терминов родства. Зачастую рассказчик передает историю, приключившуюся с его родственником. Подлинность рассказчика и подлинность его родственных отношений с героем повествования автоматически придает эффект реальности даже самой фантастической истории, делает ситуацию, о которой идет речь, "реальной", то есть значительно повышает степень референтности текста. Примеров подобного рода в мифологических рассказах – множество:

"Это у дяди моего было" [1, 30, № 30].

"Бабушка мне рассказывала. Ее отца – когда он был маленький – не любила мачеха" [1, 36, № 43].

"Вот у нас бабушку... – мать рассказывала моя – мой матери мать..." [1, 191, № 278].

"И мне папа рассказывал" [1, 222, № 323].

"Моёму свёкру готовили коня на службу" [1, 147, № 205].

Реальность имени обуславливает реальность событий, происходящих с этим человеком, какими бы фантастическими они ни были. Имя героя, как правило, появляется в начале повествования, задает тон всему повествованию, но может появиться и в середине, и в конце рассказа. Это своего рода, текстовая инверсия.

Согласно каузальной теории референции имена собственные рассматриваются в качестве "жестких деизигнаторов". При этом деизигнатор характеризуется жесткой и однозначной связью с предметом [6, 80].

Интересно, что в зависимости от жанра фольклорного произведения имена собственные обладают разной степенью референтности. Например, в песнях имена собственные обладают гораздо меньшей степенью референтности, нежели имена собственные в мифологическом рассказе:

Научу тебя, Ванюша,
Научу тебя Ванюша,

Как ко мне ходить,
Да как ко мне ходить

[7, 112, № 207].

"Сидел Ваня на диване,
Стакан чаю допивал"

[7, 169, № 297].

Но если мы обратимся к тем колыбельным или игровым песням:

"Люли, люли, люли,

Прилетели гули,

Стали люлечку качать

Мою Олю забавлять, –

где имя варьируется в зависимости от того, кому или о ком эта песня поется, то увидим, что степень референтности имени собственного в них высока.

Принципиально важным является включение героя повествования в иерархическую систему родственных отношений, которая может быть достаточно распространенной. Нередко через перечисление родственных отношений (перечисление как воссоздание) герой рассказа оказывается связан с рассказчиком. Связь эта может начинаться как родственная, а дальше разветвляться и образовывать связующие цепочки по месту жительства (соседство), по возрасту (ровесники и т.д.).

"А тут вот бабушка Кошкариха у нас все лечила. Вот Петька Кошкарев. <...> Да как его мать вот, Шура. Да она вот сестра Наседчихи, Насти. Она со мной с одного году, только она как-то уж постарела здорово. Её "бабушка, бабушка" все "Шура". И вот она лечила это вот, в общем. У меня старуха тоже болела, она лечила. Алексея – тоже вот дядька – тоже какой-то хомут ли че кто-то надел" [1, 14, № 4].

"С дядей моим было. Родной дядя, отцов брат" [1, № 15].

"Тут у нас племянник. Он сына женил на той улице, на нижней-то живет" [1, с. 23, № 18].

"Сват мой с женой Александрюшкой хорошо жили" [Там же, с. 42, № 51].

"Правда или нет... Бабка мне рассказывала про моего деда. С ним произошло это на охоте <...>" [1, с. 46, № 58].

"...Дядя жил на Такане тут, у города. Он на моей тетке был женат, на отцовой сестре, вернее сказать" [1, с. 26, № 22].

Термины родства предполагают высокую степень определенности референта. А. Д. Шмелев говорит о существовании определенных именных групп, вне зависимости от контекста: "определенной является ИГ *мои родители* в устах любого говорящего – даже если адресат речи с его родителями не знаком и ничего про них раньше не слышал. При логическом подходе определенность связывается с единственностью объекта, удовлетворяющего выбранной номинации. Так, мать у человека может быть только одна, поэтому ИГ *моя мать* является определенной <...>" [8, 74].

Примеры подобного рода легко обнаруживаются в мифологических рассказах. Подобные дескрипции называются полными. Им противопоставят "неполные" определенные дескрипции.

"Неполные" определенные дескрипции делятся на такие, "которые получают определенность лишь в контексте ситуации", и такие, "для которых нельзя восстановить исходной формы, не содержащей прагматической отсылки к речевому акту, – например, если референт вводится в поле зрения адресата речи посредством интродуктивного экзи-

стенциального предложения: *Жил-был старик* (неопределенная ИГ). *У старика* (определенная ИГ) *был сын*" [8, 74].

Интродуктивные экзистенциальные предложения являются одной из характерных черт стилистики фольклорного текста. Широко известна устойчивость зачинов в русском повествовательном фольклоре. Стержневую функцию в этих случаях выполняют именно интродуктивные экзистенциальные предложения. Примеры подобного рода встречаются и в мифологических рассказах: "...Шёл какой-то муштина по деревне, нанимался работать" [1, 108, №161].

Предварительный анализ дает возможность говорить о том, что в мифологических рассказах полные определенные дескрипции гораздо в большей степени востребованы, нежели дескрипции неполные. Это обусловлено прагматикой мифологических рассказов. Фольклорный текст отражает те механизмы процесса текстосозидания, которые, сформировавшись в устной традиции, были способны соединять реальность физическую и реальность психическую в единое повествование. Один из главных путей этого объединения предполагает опору на референциальные возможности языка.

Точная локализация работает на создание эффекта реальности, это, в свою очередь, способствует проговариванию страха. Страх — это реакция на символ, который не может быть локализован в объективном мире [см. о локализации страха как сценическом приеме в кино — 9].

Конкретизированное описание пространства возможно через использование топонимов, названий известных населенных пунктов, объектов реального пространства. Реальность пространства обуславливает реальность происшествия.

"Она мне племянница, Лешкова. С двумя сестренками она шла в Коровино через Даир. А от Даира до Коровино девять километров" [1, 17, № 7].

"Я в девках была. В Кирге жила. У меня племянник был. Мы жили на горе, а он так, под горой жил" [1, 95, № 138].

Топографическая или локусная конкретность позволяет моделировать пространство, в котором произошел "случай". Более того, можно говорить о том, что само пространство сюжетно как бы провоцирует ситуацию встречи. Описанию пространства может быть присуща разная степень конкретности. По-видимому, это зависит от жанра. Сниженная степень референции может быть присуща даже тем текстам, в которых описание пространства играет сюжетообразующую роль. Так, например, происходит в детских страшныхках: "В одном черном-черном лесу, стоит черный-черный стол, на этом черном-черном столе, стоит черный-черный гроб, в этом черном-черном гробу <...>". Насколько референтно пространство, воссоздаваемое в подобных текстах, пока сказать трудно.

В мифологических рассказах степень референтности описываемого пространства зачастую очень высока, что создается не только при помощи топонимов, но и посредством детального описания места действия:

"Это вот в Нер-городу-то, по Нерче-то. Там есть Зюльзя, так за Зюльзой туды ишо Тэкер и Окима. Я отудава один раз шел. А посредине там, от Зюльзи-то до тех деревушек, зимовье стояло. Ну, заезжали. Зимой поезды по Нерче-то на санях-то, а летом-то тропина одна — верхом да пешком.

И вот мне пришлось раз идти. Я теперича опоздал... Дай зайду в это зимовье, переночую, а утром пятьдесят километров до Зюльзи надо мести. Ну и захожу" [1, 78, № 107].

"Вот сейчас там клуб в Верхних Ключах. Этот дом-то клуб. Вот в ём чудилось.

Значит, жил там этот. Кузьма Карпыч Григорьев. А раньше-то Вербина был дом-то. Строили Вербины. А жил Кузьма Карпыч, Григорьев был. И вот что там происходило" [1, 90, №133].

Референционные механизмы предстают как взаимообусловленность субъекта, объекта, релевантного денотативного пространства и временно-го среза ситуации.

Один из надежных способов создания эффекта реальности — детальное описание пространства:

"А тут однажды померещилось мне. Вот в этой же избе, где я в детях жила. Отчим с матерью на койке (раньше деревянные койки были, не железные), на койке лежат оне, а я возле них. Так вот бочка стояла, так вот шкаф. А я между бочкой и между койкой лежала" [1, 94, № 137].

"Вот было Нюра, подруга моя, и я вот пошла как-то вечером по воду. Где мост раньше был, там боковой проулок, а потом тут колхозный двор. Мы хотели к прорубу и вот в этот проулок-то зашли..." [1, 53, № 72].

Если "реальный" человек привязан к конкретному, "реальному" пространству (в связи с этим широко использованы топонимы), то собственно мифологические персонажи приходят внезапно, непонятно откуда, и уходят в никуда, вдруг исчезают:

"...Вот приходят. Вот тебя начинают баграм колоть, чтобы ты ушел. Вот-вот рассветет. Как перед етим — дак тебе знику не дают:

- Уходи с нашего места, то мы тебя сожжем!
Кто баграм, кто палками тычут. Бьется-бьется, они его окружают — он соскакивает, убегает. Отскочит — и сразу спокойно стало" [1, 116, № 172].

В рамках исследования сущности референции А.Д. Шмелев отдельно останавливается на проблеме отражения (выражения) в тексте релевантного денотативного пространства и зависимости его от временного среза: "Релевантное денотативное пространство может ограничиваться каким-то одним временным срезом, определяемым моментом отсчета (т. е. моментом, хронологически совпадающим с описываемой ситуацией или с моментом речи)" [8, 39].

Одним из сильных средств референции является упоминание точной даты происшествия. Не так часто, но этот способ референции все же встречается в мифологических рассказах.

"В тридцать восьмом году в июле месяце, перед уборочной, мне из города звонят" [1, 13, № 3].

Средства референции могут использоваться в тексте не изолированно, а в комплексе. Обозначение релевантного денотативного пространства дополняется указанием на время действия и на участников ситуации:

"Мы раз поехали вот в Сретенск хлеба купить. В двадцать седьмом году. Не доежая Сретенска-то есть место — Пьяный лужок называется — остановились ночевать. А это дело-то было уж под осень, холодно так-то, но на дворе ночевали" [1, 54, № 74].

Обозначение временной точки может быть вызвано отмеченностью этого времени (дня, суток, года) в мифологической картине мира:

"Мне было лет восемь или девять.

Я помню, это было в ильин день" [1, 50, № 63].

Однако надо отметить, что сюжетная ситуация мифологического рассказа в большей степени обусловлена выделенностью, исключительностью определенных пространств, поэтому указания на место действия в текстах такого рода востребованы чаще, чем временные указатели. Кроме того, пространство – эта та первичная реальность, которую осваивает человек. Восприятие времени вторично.

Прагматическая функция мифологического рассказа требует создания максимального эффекта реальности. Этот эффект создается посредством частичного или полного представления четырех граней реальности – это 1) реальность имени, 2) реальность родства, 3) темпоральная реальность (возраст героя, время происшествия), 4) реальность места действия (локусная конкретность).

То, что происходит в реальное время, в реальном пространстве, с реальным человеком, реально. Вопрос, как эта "реальность" соотносится с объективной действительностью, требует специального изучения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири/Сост. В.П.Зиновьев. – Новосибирск: Наука, 1987.
2. Игумнов А. Г. Эмпирическое в поэтике лирической песни // Живая старина. – 2007. – № 4. – С. 40 – 51.
3. Левицкий Ю.А. Основы теории синтаксиса. – М.: КомКнига, 2005.
4. Лукин В.А. Художественный текст. Основы лингвистической теории. Аналитический минимум. – М.: Издательство "Ось – 89", 2005.
5. Падучева Е.В. Высказывание и его соотношенность с действительностью: Референционные аспекты семантики местоимений. – М.: Наука, 1985.
6. Толоров В.Н. Исследования по этимологии и семантике. Т.1: Теория и некоторые частные ее приложения. – М.: Языки славянской культуры, 2004.
7. Хороводные и игровые песни Сибири. – Новосибирск: Наука, 1985.
8. Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. – М.: Языки славянской культуры, 2002.
9. Ямпольский М. Форма страха // Семиотика страха. – Париж – Москва: Русский институт: издательство "Европа", 2005.

О.П. Фесенко

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИЯХ ДРУЖЕСКОГО ПИСЬМА

В последние годы современная лингвистика обратила свой взгляд на эпистолярное наследие различных исторических эпох. Эпистолярный текст стал интересен исследователям в дискурсивном аспекте, поскольку дает возможность изучить не только (и не столько) авторский стиль и особенности построения текста, но и речевую ситуацию в целом, проблему взаимодействия автора и адресата и обусловленность выбора речевых единиц социальными и социально-психологическими факторами. Несмотря на такой интерес к эпистолярию, неисследованными и спор-

ными остается ряд вопросов, связанных с функционированием эпистол. Среди таких нерешенных проблем – многофункциональность дружеского письма.

Большинство исследователей (Н.И. Белоува, Н.А. Ковалева, Е.Г. Елина, Т.П. Зорина, Н.А. Долинин, И.В. Арнольд) полагают, что письмо многофункционально. Такой вывод логичен и закономерен, поскольку сама речь полифункциональна: «функцией речи являются отношения речевого поведения к реализации намерений субъекта. Разнообразие функций речи определяется разнообразием условий и целей деятельности субъекта» [4, 10-11]. Эпистолярный текст как форма дискурса является составляющей речевого общения, а значит, он полифункционален.

Как правило, в научной литературе выделяют пять функций эпистолярного текста. Это:

1. Коммуникативная (функция общения). Письмо, как жанровая реализация разговорного стиля, выполняет функцию общения, но не в устной, а в письменной форме, что и обуславливает особенности жанра письма.

2. Информативная (функция сообщения). Цель написания любого эпистолярного текста – стремление поделиться какой-либо информацией или получить какие-либо сведения от адресата. Информация может носить различный характер, что определяет структуру письма и его эмоциональный настрой.

3. Прагматическая (функция воздействия). Данная функция присуща не каждому эпистолярному тексту. Чаще всего прагматика содержится в отдельных отрывках писем, посвященных просьбам, угрозам, приказам и пр.

4. Экспрессивная (функция самовыражения). Письмо – очень субъективный жанр. Его особенности обусловлены во многом личностью автора, который не может отстраниться от излагаемой им информации, реализуя свое «Я» в каждой строке, в каждом слове эпистолярного текста.

5. Фатическая (контактоустанавливающая функция). Фатическая функция реализуется контактоустанавливающими и контактоподдерживающими единицами, представленными этикетными и вводноконтактными формулами. Некоторые исследователи, в частности Д.Л. Докторович, Т.Н. Кабанова, предлагают разделить эту функцию на две, более частные: контактоустанавливающая (вступление в контакт, его поддержка, проверка) и собственно фатическая (подразумевающая реализацию намерений вступить в общение) [5, 11].

Часть исследователей, в частности Т.Г. Давиденко, считает возможным говорить об интеллектуально-коммуникативной функции (предмет сообщения), эмотивной (передача чувств отправителя), волюнтаривной (прагматической) (иллюкция и перлюкция), аппелятивной (побуждение к восприятию), контактоустанавливающей (обеспечение речевого поведения), экспрессивной (воздействия на эстетическую сферу) [3, 410]. При этом не производится определений ведущих функций, не прослежено взаимовлияние различных функций друг на друга.

Н.А. Ковалева выделяет четыре функции эпистолярного дискурса: фатическую, конативную, когнитивную и этикетную [6, 9].

Нам представляется, что подобные классификация несколько неточны, так как среди выде-